
Список,
или
Смерть на открытии
Уютный детектив
Книжный салон
Санкт-Петербург
Список гостей
Платонова Н. С.
1980–2026
?!
Книжный салон
Участник
Серия «Красный карандаш»
книга 13

Милана Панова

Список или Смерть на открытии

«Автор»
2026

Панова М.

Список или Смерть на открытии / М. Панова — «Автор», 2026

Нину Платонову приглашают почётной гостьей на Петербургский книжный салон. К приглашению приложен список гостей, и рядом с её фамилией красным карандашом, корректорским знаком, вписаны годы жизни: «1980–2026». Дата рождения неверна, а дата смерти стоит в этом же году. Таких пометок в списке шесть. На церемонии открытия на сцене умирает старейший писатель страны, за ним следует блогер, разоблачающий литературную премию. Нина, капитан Громов и кот Эклер ищут того, кто превратил список приглашённых в список жертв, и понимают, что убийца говорит с ней на её родном языке: языке корректуры. Эта книга самостоятельная, читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Милана Панова
Список или Смерть на открытии

Список, или Смерть на открытии
Серия «Красный карандаш»
Книга 13

Глава 1. Билет в один конец

«Сапсан» отходил от Московского вокзала в семь пятьдесят утра, и к этому времени Эклер уже успел возмутиться трижды: сначала переноской, потом турникетом, потом проводницей, которая сказала, что с животными допускается следовать только в специально оборудованном купе. Андрей показал ей справку, которую в среду выписал ветеринар, потом показал удостоверение, потом улыбнулся. Проводница вздохнула и сказала, что кот, конечно, большой, но воспитанный, и пусть едет, раз такое дело.

— Ты умеешь с ними разговаривать, — заметила я, устраиваясь у окна.

— Это называется «профессиональное обаяние».

— Это называется «справка с печатью».

— Одно другому не мешает.

Он сел напротив, вытянул ноги и закрыл глаза. За окном проплывали мокрые платформы, ржавые гаражи, серые заборы. Ноябрьское утро было таким тусклым, будто кто-то забыл включить свет. Эклер, выпущенный из переноски на сиденье рядом со мной, повозился, потоптался, свернулся и сделал вид, что спит.

В кармане моей куртки лежало приглашение. Я достала его, развернула и в двадцатый раз перечитала строчку шестьдесят седьмую: «Платонова Н. С., корректор. Н-ск. (1980–2026)».

— Ты опять смотришь, — сказал Андрей, не открывая глаз.

— Откуда ты знаешь?

— Бумага шуршит.

— Я не могу не смотреть. — Я положила лист на столик. — Андрей, мне сорок три.

— Знаю.

— Я родилась в восемьдесят третьем.

— Тоже знаю.

— Так вот, в списке написано восемьдесят.

Он открыл один глаз.

— Это опечатка.

— Конечно. Но я хочу понять, чья.

— Нина. Это приглашение на книжный салон. В нём шесть тысяч фамилий. Какая-нибудь секретарша перепутала цифру.

— Она перепутала цифру в графе «год рождения». Но не поставила красный знак вставки перед годом смерти. Это сделал другой человек, а не секретарша.

Он помолчал.

— Ладно. Допустим.

— Что допустим?

— Допустим, это не шутка. — Он выпрямился, потёр лицо ладонью. — Тогда зачем ехать?

— Затем, что если не поеду, не узнаю, кто и зачем.

— А если узнаешь слишком поздно?

— Поэтому ты едешь со мной.

Он улыбнулся, и в уголках его глаз собрались знакомые морщинки.

— Ты же понимаешь, что я бы поехал в любом случае.

— Понимаю.

— Тогда зачем спрашивать?

— Чтобы услышать.

Поезд набрал скорость. За окном замелькали берёзы, голые, чёрные, как тонкие карандашные штрихи на сером листе. Я прислонилась лбом к стеклу и подумала, что, наверное, любое путешествие начинается с того, что человек уезжает от чего-то и одновременно к чему-то. Только никогда не знаешь, от чего и к чему.

В Санкт-Петербурге нас встретил дождь. Мелкий, косой, пронизывающий, он сыпался на Невский проспект, на мосты, на гранитные набережные, на зонты, которые, как грибы, росли над толпой. Мы взяли такси, доехали до гостиницы «Литейный двор» и, оставив чемоданы у портье, поднялись на второй этаж, где, как выяснилось, уже собрались почётные гости.

Это был небольшой зал с лепным потолком, стеклянными дверьми и длинным столом, накрытым к чаю. У окна, спиной ко мне, стояла Маргарита Викторовна, в сером костюме, с неизменной брошью-пером. Рядом с ней, оживлённо жестикулируя, говорил высокий седой мужчина в дорогом твидовом пиджаке.

— …и тогда я сказал им: господа, литература не терпит спешки! Мы либо делаем салон, либо делаем ярмарку тщеславия. Третьего не дано!

— Вы совершенно правы, Всеволод Артурович, — ответила Маргарита Викторовна, не выказывая ни малейшего волнения. — А вот и наша Нина.

Мужчина обернулся. У него было крупное, открытое, румяное лицо, густые брови, заразительная улыбка и глаза цвета грецкого ореха. Лет шестидесяти, подвижный, широкоплечий, он производил впечатление человека, который всю жизнь сидит в президиумах, но не разучился при этом получать удовольствие от жизни.

— Нина Сергеевна! — воскликнул он, шагая ко мне с протянутыми руками. — Какая честь! Наслышан, наслышан! Гранин. Всеволод Артурович Гранин, директор салона. Для меня огромное счастье, что вы согласились.

— Мне тоже приятно. Хотя я до сих пор не поняла, чем заслужила приглашение.

— Заслужили? — Он засмеялся громким, раскатистым смехом. — Милая, вы раскрыли столько преступлений в издательской среде, что мы все теперь вас побаиваемся. Каждый автор, когда слышит ваше имя, начинает перечитывать собственные рукописи.

— Это преувеличение.

— Это комплимент. — Он повернулся к Андрею. — А вы, надо полагать, капитан Громов? Консультант по безопасности?

— Скорее сопровождающий.

— Не скромничайте. Салон у нас масштабный: пять дней, триста стендов, четыреста мероприятий, сорок тысяч посетителей ежедневно. Безопасность у нас в приоритете. Но если вы со своей стороны что-то заметите…

— Обязательно скажем.

— Вот и прекрасно. — Гранин хлопнул в ладоши. — Дорогие мои, давайте знакомиться. Прошу.

К столу подошли ещё несколько человек. Первой я заметила миниатюрную женщину лет тридцати пяти, в строгом чёрном костюме и очках в тонкой оправе, с папкой в руках и огромным бейджем «Ирина Волкова. Пресс-секретарь».

— Ирина у нас главный мозг, — представил Гранин. — Без неё салон превратился бы в хаос.

— Очень приятно, — тихо сказала Ирина, поправляя очки. Голос у неё был тихий, ровный, чуть настороженный.

— Эльвира Штерн, — продолжал Гранин, указывая на высокую, сухощавую женщину лет пятидесяти пяти с короткой седой стрижкой и острым, как лезвие, взглядом. — Литературный критик. Член жюри. Грозная.

— Не грозная, а справедливая, — отрезала Штерн. — Здравствуйте, Нина Сергеевна. Я читала про вашу историю с «Красной строкой». Любопытно. Хотя, честно говоря, мне показалось, что вы слишком много романтизируете профессию корректора.

— Возможно.

— Вот именно. Корректор — это не сыщик. Это санитар. Он убирает грязь. Не больше.

— Эльвира, — укоризненно сказал Гранин.

— Что? Я говорю правду.

— Вы всегда говорите правду, дорогая. Это ваш крест.

Штерн фыркнула и отвернулась. Я заметила, что она держит в руках стакан с чем-то тёмным и пьёт его мелкими, торопливыми глотками, как человек, который не хочет, чтобы кто-то увидел, как он нервничает.

— А это Вера Никитична Савина, — сказал Гранин. — Руководитель издательства «Северный ветер».

Ко мне подошла плотная, румяная женщина лет пятидесяти восьми, в алом платье и с огромной брошью в виде бабочки. Она улыбнулась широко, радушно, по-деревенски, и сжала мою руку обеими ладонями.

— Деточка! Как я рада! Мы давно мечтали познакомиться! У нас в «Северном ветре» тоже есть корректоры, но, боюсь, ни один не может сравниться с вами.

— Спасибо.

— И не думайте, что мы соперницы! — Она хлопнула Маргариту Викторовну по плечу. — Мы с Маргаритой давние подруги. Двадцать лет конкурируем и ни разу не поругались.

— Ну, один раз было, — сказала Маргарита Викторовна.

— Это не в счёт.

Они рассмеялись. Я смотрела на них и думала: странно, как легко здесь все смеются. Как будто в воздухе разлито что-то лёгкое, праздничное, и только где-то на дне чашки плавает горький осадок.

— Вот и все основные лица, — подытожил Гранин. — Остальные подтянутся к вечеру. Сегодня у нас фуршет, завтра открытие, послезавтра круглые столы. Нина Сергеевна, надеюсь, вы выступите на секции «Корректор в эпоху нейросетей»?

— Я? Выступлю?

— Конечно. Это же ваш профиль.

— Я не готовилась.

— Вы всегда готовы. — Он улыбнулся. — Это видно.

Он отошёл, увлекаемый Ириной Волковой, которая что-то быстро шептала ему на ухо. Я осталась стоять у стола, чувствуя, как у меня учащается пульс. Что-то во всём этом было неправильно. Слишком гладко. Слишком красиво. Слишком похоже на хорошо отрепетированный спектакль.

— Нина, — тихо сказала Маргарита Викторовна, подойдя вплотную. — Ты тоже это чувствуешь?

— Да.

— Я получила ту же бумагу.

— Какую?

— С годами. — Она достала из сумочки сложенный листок и протянула мне. — Только у меня написано «1957–2026». Красным. Тем же почерком.

Я развернула. Строчка тридцать четвёртая: «Дымова М. В., издатель. Н-ск. (1957–2026)».

— Вы мне не говорили.

— Я хотела убедиться, что это не мои старческие глупости. — Она усмехнулась. — Теперь вижу: нет. Кто-то хочет, чтобы мы приехали.

— Зачем?

— Не знаю. Но, Нина, будь осторожна. У меня предчувствие.

— Вы не верите в предчувствия.

— Не верю. Но у меня оно есть.

Я сжала её руку. Ладонь у неё была тёплая, чуть шершавая, надёжная. Эклер, незаметно пробравшийся в зал в сумке Андрея, высунул морду из-под молнии и деловито огляделся. Потом громко, торжественно, на весь зал, чихнул.

— Будьте здоровы! — раздался смеющийся голос.

Мы обернулись. У двери, опираясь на трость, стоял высокий худой старик в тёмном бархатном пиджаке и красной бабочке. Лицо у него было длинное, морщинистое, как у старого доброго пса, глаза живые, зеленоватые, чуть насмешливые, а на голове торчал седой хохолок, как у птицы.

— Родион Баженов, — представился он глубоким хриплым басом. — Не вставайте, не надо церемоний. Я тут старейший писатель, мне положено опаздывать.

— Родион Андреевич, — всплеснул руками Гранин, — а мы вас ждали утром!

— Утром я спал. Это тоже входит в обязанности старейшины. — Он подошёл к столу, налил себе чаю, оглядел собравшихся и вдруг остановил взгляд на мне. — Вы Платонова?

— Я.

— Корректор?

— Да.

— Вот и славно. — Он улыбнулся. — У меня к вам дело. Но не здесь. Завтра. После церемонии. Придёте?

— Конечно. А о чём?

— О деньгах. — Он понизил голос. — И о смерти.

Он сказал это легко, почти шутя, как говорят о погоде. Но, встретившись со мной взглядом, вдруг стал серьёзным.

— Не пугайтесь, — сказал он. — Мне семьдесят восемь. Я имею право говорить о смерти. Но только не мою. Чужую. Которая, кажется, всё ближе.

Глава 2. Список

В тот вечер, после фуршета, мы с Андреем сидели в номере и разглядывали приглашение, разложив его на кровати рядом с двумя другими, полученными Маргаритой Викторовной и, как выяснилось, самим Баженовым.

Эклер лежал на подушке, свернувшись в рыжий клубок, и делал вид, что спит. Но я видела, как у него подрагивает кончик хвоста: он, как всегда, слушал.

— Смотри, — сказала я. — Вот список. Напечатан одинаково. Одним шрифтом, на одной бумаге, с одним водяным знаком. Но пометки сделаны красным карандашом от руки.

— И что?

— Они похожи на корректорские. Видишь значок? Это знак вставки. Корректор рисует его между строк, чтобы показать, куда нужно вписать пропущенное слово или цифру. — Я провела пальцем по бумаге. — Здесь автор вставил в каждую фамилию год смерти. Аккуратно, чётко, по правилам.

— А что в этом странного?

— Странно, что он сделал это профессионально. Но в то же время ошибся в моей дате рождения.

— Может, не знал.

— Может. Но всё равно вопрос: откуда он взял вообще дату? — Я вытащила из сумки блокнот. — Давай составим таблицу.

На странице появились пять строк:

«Баженов Р. А. — 1948–2026.

Штерн Э. Л. — 1971–2026.

Орлов М. С. — 1999–2026.

Кастелл Т. — 1981–2026.

Платонова Н. С. — 1980–2026».

— У Маргариты Викторовны тоже, — сказал Андрей. — Тридцать четвёртая строка.

— Шесть человек. — Я постучала карандашом по бумаге. — Баженов, старейший писатель. Штерн, критик, член жюри. Орлов, молодой блогер, о котором мне говорила Катя, он разбирает все премии в интернете. Кастелл, переводчик, финалист «Золотого пера». Маргарита Викторовна, издатель. И я.

— Что у вас общего?

— Не знаю. Пока не вижу.

— Нина, — сказал Андрей. — А если это просто розыгрыш?

— Тогда почему Баженов сказал про смерть?

— Он старик. Он любит эффектные фразы.

— Он сказал: «О деньгах и о смерти». Деньги и смерть. Тема, достойная детектива. — Я встала, подошла к окну. За стеклом дождь продолжал барабанить по подоконнику, а на другой стороне улицы, в окне напротив, горела жёлтая лампа. — Андрей, ты веришь в совпадения?

— В хорошие нет.

— Тогда слушай. Все шестеро помечены красным. Все шестеро приглашены в Петербург. Все шестеро так или иначе связаны с литературной премией «Золотое перо».

— Ты тоже?

— Я? Почему?

— Ты же не член жюри, не писатель.

— Я корректор, который вычитывал рукописи финалистов. Помнишь, Маргарита Викторовна в сентябре просила посмотреть три тома для «Северного ветра»? Мы тогда с Катей проверяли.

— Да, помню.

— Я не придала значения. Но среди них была книга Кастелла. Переводной роман. И я заметила странное: в нём не хватало одной главы.

— Как это?

— Из оригинала пропала целая глава. Седьмая. Я думала, ошибка наборщика. Позвонила в «Северный ветер». Мне сказали: «Не волнуйтесь, это авторская правка».

— А это не авторская?

— Переводчик не имеет права вырезать главы. — Я повернулась. — Андрей, мне кажется, что я случайно заглянула в чужую кухню.

— Тебя за это решили убить?

— Или напугать.

— Или заманить.

— Я об этом думаю последние два часа. — Я села на край кровати. — Допустим, кто-то хочет, чтобы я приехала в Петербург. Допустим, он знает, что я обязательно замечу несоответствие в датах. Допустим, ему нужно, чтобы я увидела этот список. Зачем?

— Чтобы ты знала, кто в опасности.

— Или чтобы я стала свидетелем.

— Нина.

— Андрей, это очень похоже на сценарий. Кто-то написал пьесу, а мы персонажи. Только пока не ясно, какой у нас акт.

В дверь постучали. Андрей мгновенно оказался у порога, прижавшись плечом к стене.

— Кто?

— Это я. Баженов.

Андрей посмотрел на меня. Я кивнула. Он открыл.

На пороге стоял старик в мятом халате поверх бархатного пиджака, с растрёпанным хохолком и маленькой красной записной книжкой в руке. Выглядел он так, будто не спал неделю.

— Простите, что беспокою, — сказал он. — Мне не спится. Можно?

— Входите.

Он вошёл, огляделся, увидел Эклера, умилился.

— Какой красавец! Кот?

— Эклер.

— Эклер. — Баженов сел в кресло, положил записную книжку на колени. — Забавное имя. Люблю, когда у котов человеческие имена. Это свидетельствует о том, что хозяева сами немного коты.

— Родион Андреевич, — сказала я. — Вы хотели что-то сказать.

— Хотел. — Он вздохнул. — Нина Сергеевна, вы человек наблюдательный. И, как мне говорили, честный. А я хочу задать вам один вопрос. Только не обижайтесь.

— Слушаю.

— Вам когда-нибудь предлагали деньги за то, чтобы вы промолчали?

Я переглянулась с Андреем.

— Нет. А почему вы спрашиваете?

— Потому что мне предлагали. — Он усмехнулся. — Не напрямую. Через третьих лиц. Через посредников. Через намёки. «Родион Андреевич, зачем вам это? Вы же старый человек. Отдыхайте. Не лезьте». А я не умею отдыхать. Я всю жизнь лезу.

— Куда?

— В «Золотое перо». — Он положил ладонь на красную книжку. — Я двенадцать лет в жюри. Знаю, как оно устроено. Раньше это была честная премия. Сейчас… — Он замолчал.

— Сейчас?

— Сейчас, Нина Сергеевна, её покупают.

— Как?

— Очень просто. Издательство платит оргкомитету сумму. Оргкомитет «рекомендует» жюри определённые книги. Жюри голосует. Победитель получает миллион рублей, мировую славу и контракты. А оргкомитет, в свою очередь, получает десять процентов с продаж. — Он поднял глаза. — Мне предлагали взятку. Я отказался. Тогда стали намекать на здоровье. Потом на возраст. Потом, неделю назад, пришло это.

Он раскрыл записную книжку, достал сложенный листок, протянул мне. Бумага была обычная, из школьной тетради. На ней аккуратным, острым, чуть наклонным почерком, красным карандашом, было написано: «Родион Андреевич, пора на покой. Дата уже стоит».

— Я не придал значения, — сказал Баженов. — Но потом получил приглашение. И увидел эту дату рядом с моей фамилией. И понял: всё это связано.

— Кто писал записку?

— Не знаю. Почерк незнакомый.

— Вы хранили конверт?

— Нет. Выбросил.

— Жаль.

— Я не думал, что это пригодится. — Он смущённо улыбнулся. — Нина Сергеевна, я не прошу вас защищать меня. Я человек старый, мне терять нечего. Но я хочу, чтобы вы знали: если со мной что-то случится, ищите в этой книжке.

Он протянул мне красную записную книжку. Я взяла. Она была потёртая, с загнутыми углами, пахла табаком и чернилами.

— Что в ней?

— Всё. Фамилии, даты, суммы. За последние пять лет. Я вёл учёт каждого предложения. — Он тяжело поднялся. — Завтра на открытии я собираюсь выступить. Скажу несколько слов. О честности. О том, что литература не продаётся.

— Родион Андреевич, — сказал Андрей. — Вам лучше не выступать.

— Почему?

— Потому что вас могут убить.

— Конечно, могут. — Баженов улыбнулся. — Но если я не выступлю, меня убьют всё равно. Только медленнее. Изнутри.

Он похлопал меня по руке, как внучку, и тяжело, медленно пошёл к двери. На пороге остановился.

— И вот ещё, Нина Сергеевна. Вы знаете, почему я выбрал именно вас?

— Нет.

— Потому что вы единственный человек, который, увидев запятую не на месте, не промолчит.

Он ушёл. Дверь тихо закрылась. Мы остались вдвоём в тишине, под мерный стук дождя.

— Он идёт на смерть, — прошептала я.

— Мы не можем его остановить.

— Можем охранять.

— Нина.

— Андрей, давай хотя бы попробуем.

Он вздохнул.

— Хорошо. Я поговорю с организаторами. Выставлю охрану у сцены. А ты прочти его книжку.

Я открыла записную книжку и стала листать. Страницы были исписаны мелким, нервным почерком. Даты, суммы, имена. «12 марта. Гранин. Предложил 300 тысяч за „правильный“ голос. Отказал». «4 июня. Савина. Намекнула на „взаимовыгодное сотрудничество“. Отказал». «19 августа. Штерн. Шепнула, что надо быть осторожнее. Не сказала почему». «2 октября. Орлов. Прислал письмо с предложением поддержки».

На последней странице, внизу, было написано: «Ирина В. Знает больше всех. Но боится».

— Ирина Волкова, — сказала я. — Пресс-секретарь.

— Думаешь, она в курсе?

— Я думаю, что единственный человек, который знает всё, это тот, кто составлял списки.

Эклер на подушке приоткрыл глаз, потянулся и прыгнул мне на колени, прямо на красную записную книжку. Он положил на неё обе лапы и посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом.

— Хорошо, хорошо, — сказала я. — Не волнуйся. Я прочту.

Глава 3. Открытие

Церемония открытия международного книжного салона проходила в Большом зале выставочного центра «Северная Пальмира». Огромный амфитеатр на тысячу мест, обитый красным бархатом, с позолоченными ложами и хрустальными люстрами, был заполнен до отказа. В партере сидели писатели, издатели, критики, чиновники. В ложах журналисты и телевидение. На сцене стоял длинный стол, накрытый зелёным сукном, с микрофонами, цветами и маленькими табличками с именами.

Я сидела в пятом ряду, между Андреем и Маргаритой Викторовной, в синем платье, которое Катя перед отъездом назвала «вам идёт, Нина Сергеевна, только не вздумайте пачкать». Эклера мы оставили в номере, закрыв на ключ, но я нисколько не сомневалась, что к концу вечера он найдёт способ присоединиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.